

Л. Б. Карпенко

О РОЛИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ПРАВА

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Российская Федерация, 443011, Самара, ул. акад. Павлова, 1

В статье рассматривается вопрос о значении старославянской лексико-словообразовательной системы для формирования базовой правовой лексики русского языка. На примере словообразовательного гнезда с корнем *закон-* показаны преемственные связи древнерусской лексической системы со словарными ресурсами старославянского языка. Отмечены сформированные в старославянском языке семантические типы правовой лексики: «закон», «законодатель», «исполнитель закона», «законопослушный», «преступающий закон», а также словообразовательные гнезда, послужившие основой для корпуса современной базовой правовой терминологии. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: старославянский язык, русский язык, словообразование, словообразовательное гнездо, правовая лексика.

THE ROLE OF THE CHURCH SLAVONIC TRADITION IN THE RUSSIAN LEGAL VOCABULARY

L. B. Karpenko

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, 1, Ac. Pavlov St., Samara, 443011, Russian Federation

The article exams the role of the Old Church-Slavonic word-formation system in development of Russian basic legal vocabulary. Based on a case-study of the word-formative family of words with the radical *zakon-*, the article shows that there is continuity between the old Russian vocabulary and the Old Church-Slavonic word-formative system. It focuses on the Old Church-Slavonic semantic types of legal vocabulary: “law”, “law-giver”, “lawyer”, “observance”, “criminal” and on the word-formative family of words which became the source of the modern Russian basic legal vocabulary. Refs 15.

Keywords: Old Church-Slavonic, Russian, word-formation, word-formative family of words, legal vocabulary.

Своеобразие русского литературного языка, обусловленное его историческим динамическим двуязычием, служит поводом для продолжительной научной дискуссии, в центре которой — вопросы истории его взаимоотношений с церковнославянским, русификации церковнославянского языка, роли церковнославянской традиции в развитии русского языка, места славянизмов в корпусе лексики русского языка и т. п. В разной степени и в разных ракурсах они рассматривались в трудах А. А. Шахматова, Н. С. Трубецкого, А. М. Селищева, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, Н. И. Толстого, А. И. Горшкова, А. И. Ефимова, Б. А. Успенского, Г. А. Хабургаева, М. Л. Ремневой, В. М. Живова, Б. А. Ларина, Н. А. Мещерского, Б. Г. Унбегауна и других исследователей. К кругу обозначенной проблематики относится и вопрос об истоках и динамике развития лексики русского права, причем некоторые его аспекты требуют уточнения. Цель статьи — показать на основании имеющихся лингвистических источников наличие в древнерусском языке значительного корпуса церковнославянской по происхождению лексики права, а также сохранение преемственных связей юридической лексики современного русского языка с цер-

ковнославянскими истоками. С этой целью из исторических словарей эксцерпированы лексемы, сохраняющие свою актуальность в современной юридической практике, прослежены их значения и контексты, которые сопоставлены с данными Национального корпуса русского языка (НКРЯ) по сфере употребления, времени фиксации, частотности.

Лексика права в русском языке разнообразна по своему происхождению, в ее составе — как исконные слова, восходящие к общеславянскому и индоевропейскому языкам, так и ранние и поздние заимствования. На основе данных древних юридических текстов, а также сравнительно-исторического и этимологического анализа лексики Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым было установлено существование системы правовых отношений и соответствующих языковых средств у восточных славян еще в дописьменный период. Осуществленная этими учеными реконструкция юридических терминов раннего славянского права (**sođь*, **ređь*, **dělo* и др.), находящая подтверждение в достоверных индоевропейских параллелях, позволяет предполагать, что славянское «предправо», как и у большинства других индоевропейских народов, складывалось и функционировало на основе устной традиции [Иванов, Топоров].

Восходящая к дохристианской эпохе восточнославянская лексика права получила освещение не только в лингвистических, но и в юридических исследованиях, чего нельзя сказать о соответствующей лексике, отраженной в церковнославянских источниках. В примечании к работе «История русского права как лингвосемиотическая проблема» В. М. Живов справедливо заметил: «В исследованиях по языку права в России обычно рассматривается исключительно язык русских (а не церковнославянских) юридических памятников» [Живов, с. 189], однако существенно этот пробел не был восполнен исследователем. Изучение церковнославянской лексики права ограничилось выявлением некоторых русских и церковнославянских параллелей: *видокъ* — *свьдѣтель*, *головникъ* — *убийца*, *животь* — *имъние*, *задница* — *наслѣдство*, *правда* — *законъ*, *рукописание* — *завѣщание*, *человѣкъ* — *лице* и др. В указанной работе В. М. Живова было сделано заключение, затрагивающее проблемы истории русского права, о «противопоставлении в области права двух независимых культурных традиций», «столкновении двух культурных систем»: «Русское право имеет непосредственное практическое значение, в то время как церковнославянское право практически не применяется... Из этой ситуации и образуется основная парадигма русского юридического сознания: культурное право не действует, а действующее право не имеет культурного статуса» [Живов, с. 202, 279]. Историко-правовая составляющая публикации В. М. Живова вызвала критику со стороны юристов в связи с «механическим переводом» лингвистических заключений на область истории и теории права, отрицанием роли византийского по своим истокам церковнославянского права на Руси [Рогов, с. 21].

В дискуссии по истории языка русского права еще более категоричное мнение было ранее высказано Б. Г. Унбегауном, который как об одном из парадоксов говорил о том, что церковнославянский язык был полностью исключен из области древнерусского права и судопроизводства и византийская традиция никак не сказалась на древнерусском юридическом языке. Позиция неожиданная, тем более что в ряде своих публикаций Б. Г. Унбегаун отстаивает идеи о непрерывности развития русского литературного языка и его церковнославянской природе. Однако для языка

русского права он делает исключение: «На церковно-славянском языке выражались в Киевской Руси и в Московском государстве религиозные, моральные, эстетические и научные ценности — это был в полном смысле язык культуры. Была, однако, одна область, из которой церковно-славянский язык был исключен с самого начала, а именно область законодательства и судопроизводства... Таким образом, специфической чертой юридического и административного языка допетровской России является его русский, а не церковно-славянский характер» [Унбегаун, с. 179]. Такое положение дел, по мнению автора, сохранялось вплоть до XVIII в., когда на основе церковнославянского языка был сформирован уже новый пласт юридической лексики. Эта «новая» лексика, по его мнению, иллюстрируется словами, появившимися в XVIII в., а именно производными, образованными от корня *закон-*: «Язык права смог обогатиться таким существенным термином, как *закон*, для которого в древнем языке не было единого обозначения, — употреблялись *правда*, *устав*, *указ*, *уложение* и др. До XVIII века термин *закон* был неизвестен русскому юридическому языку, так как он употреблялся лишь для обозначения закона Божеского (и закона Божия), а не человеческого, и был церковно-славянским словом. При помощи этого же слова были образованы в XVIII веке многие сложные термины церковно-славянской конструкции, как *законодатель*, *законодательство*, *законоустройство*, *законопослушный*, *беззаконный*, *незаконный* и т. д.» [Унбегаун, с. 183]

Если юристами гипотеза Б. Г. Унбегауна была подвергнута критике [Рогов, с. 20], то историками языка она серьезно не обсуждалась, хотя после лексикографического и корпусного анализа фактов и корректировки их хронологической приуроченности имеются достаточные основания для ее пересмотра. Так, нами установлено, что лексема *законостроительство*, приведенная Б. Г. Унбегауном как термин, образованный в XVIII в., не зафиксирована лексикографическими справочниками не только XVIII в., но и всего последующего периода вплоть до настоящего времени. Она не отражена и в Национальном корпусе русского языка. И лишь поисковые системы Интернета откликаются на нее единичными текстовыми примерами из современного международного права (*китайское законостроительство*). Термин *законопослушный* имеет также более позднее образование и принадлежит русскому языку советского периода. Впервые он использован в военных мемуарах 20-х годов XX века: «Саблина... адмирал Герасимов заменил Ненюковым, которого сам же впоследствии аттестует: “законопослушный, очень инертный и донельзя ленивый”» (Деникин. Очерки русской смуты. 1921). Активное употребление лексемы *законопослушный*, согласно НКРЯ, начинается с 1970-х годов.

Лексемы *законодатель*, *беззаконный*, *незаконный* следует, напротив, рассматривать как ранние заимствования из старославянского языка, использовавшиеся в юридическом смысле намного раньше XVIII в. Общеславянская по происхождению лексема *законъ* в старославянском и древнерусском языках использовалась не только в значении «вера, вероисповедание», но и в значении «закон, установление». Такое значение Старославянский словарь приводит в качестве первого, а иллюстрирующие его примеры, бесспорно, свидетельствуют о том, что слово употреблялось для обозначения предписаний власти, — ср. примеры из Супрасльской рукописи: *закономъ црсаремъ* и тому подобные [Старославянский словарь, с. 228]. Слово *законъ* и в древнерусском языке имело сложную семантическую структуру и могло обозначать как обычаи, церковные и религиозные обрядовые правила, так и юри-

дические нормы. Словарь И. И. Срезневского содержит ряд примеров из Повести временных лет по Ипатьевскому списку (XV в.), раскрывающих (наряду с другими) его правовое значение. В частности, фрагменты из договоров с греками, воспроизведенных в ПВЛ, содержат лексему *законъ*, употребленную в юридическом смысле. Для уяснения семантики использованной в этих текстах лексики особенно важно, что договоры по своему жанру и содержанию представляют собой именно юридические документы, отражающие уровень правосознания и правовой мысли на самом раннем этапе существования древнерусского государства. Договоры, фиксировавшие политические и экономические связи Древней Руси с Византией, регулировали и уголовные, и гражданские отношения между русами и греками: *Аще ли оударить мечемь... да въдасть литръ •ѣ•сребра по закону Рускому; Аще ли оубежить створивыи оубиство, аще есть имовитъ, да часть его, сиртъчь иже его будетъ по закону, да возьметъ ближнии оубьенаго; Показненъ будетъ по закону Гречьскому, по оуставу и по закону Рускому* [Срезневский, с. 921–922]. Другой пример И. И. Срезневского относится к фрагменту о княгине Ольге: *Ольга водиша и мужии его на роту по Рускому закону: клашася оружьемъ своимъ и Перуном б̄мъ своимъ и Волосомъ скотымъ б̄мъ* [Там же, с. 921].

Если иметь в виду время появления интересующих нас лексем, то важно отметить, что в древнейший период функционировало не только слово *законъ*, но и ряд производных от него. Лексема *законодатель* была образована не в XVIII в., а не позднее X в. Это производное имя существительное не является собственно русским образованием, но было заимствовано из церковнославянского языка, в лексическом корпусе которого относится к преславизмам — лексическим новообразованиям, созданным переводчиками Преславской книжной школы. Слово *законодатель* отмечено нами в сочинении Козьмы Пресвитера, древнеболгарского писателя X в., жившего в эпоху Первого Болгарского царства, представителя Преславской книжной школы, автора сочинений «Беседы против богомилов» и «О монахах». В этих сочинениях слово *законодатель* используется в критических рассуждениях о богомильстве и богомильских обрядах: *како бо слово Божіе правитися хоцетъ грубом и невѣдущемъ закона ставивомъ законодателемъ многажды по мзды* [Попруженко, с. 16]. Существительное *законодатель*, зафиксированное в древнерусском корпусе И. И. Срезневским, служит еще одним свидетельством связей русской юридической терминологии с церковнославянскими истоками. И. И. Срезневский проиллюстрировал его извлеченным из Новгородской сентябрьской минеи (XII в.) примером *законодателя преславьна* [Срезневский, с. 920].

Употребительны были в старославянском и древнерусском языках и образованные суффиксально-префиксальным способом прилагательные *безаконьнии*, *незаконьнии*, а также производные от них суффиксальные наречия. Они входили в состав гнезда с корнем *закон-*, которое включало многочисленные ряды производных: *беззаконіе*, *законодавьць*, *законоданіе*, *законоположеніе*, *законооучитель*, *законьник*, *законьно*, *законьнъ* и др. Многие лексемы с корнем *закон-* представляют собой кальки с греческого языка, значительная часть из них — слова-компози́ты.

Гнездо с корнем *закон-* характеризуется устойчивостью и непрерывным развитием на протяжении всей истории общеславянского литературного языка и затем русского литературного языка. Заметное его расширение по сравнению со старославянским языком показывает современный церковнославянский язык. По дан-

ным словаря церковнославянского языка протоиерея Г. Дьяченко можно судить о том, что в нем появились новые производные: *беззаконновати*, *законописец*, *законоположитель*, *законоположникъ*, *законоправильникъ* («книга, в которой собраны апостольские правила и святых отцов с дополнением из гражданского греческого кодекса»), *законоправитель*, *законослужебникъ*, *законослужитель*, *законоустановникъ*, *законствовати* и др. [Дьяченко, с. 35, 193].

В соответствии с общими тенденциями развития славянских корневых гнезд на протяжении исторического периода происходило расширение гнезда с корнем *закон-* и в русском литературном языке. Так, если в старославянском языке оно насчитывало 12 лексем, то в период XI–XIV вв., лексика которого зафиксирована словарем И. И. Срезневского и Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.), увеличилось в два с половиной раза и насчитывало 30 единиц. Среди них и извлеченные И. И. Срезневским из памятников XI–XII вв. производные лексемы, образование которых Б. Г. Унбегаун относил к XVIII в.: *законодатель*, *беззаконный*, *незаконный* (последнее прилагательное в памятниках не отмечено, но в словаре присутствует производное от него наречие *незаконно*, следовательно, и прилагательное как производящее слово уже функционировало в лексико-словообразовательной системе древнерусского языка). Кроме лексики, зафиксированной в исторических словарях, современными текстологами устанавливаются лексемы, не отмеченные в исторической лексикографии, например *беззаконнообразныи* (ἀνομοιοῦρότροπος) [Мальгина, с. 12].

Дальнейшее развитие гнезда происходило в старорусский период. В Словаре русского языка XI–XVII вв. отмечены 42 единицы с корнем *закон-*. Еще более заметное расширение гнезда приходится на XVIII в. Словарь русского языка XVIII в. содержит свыше 70 единиц с корнем *закон-*, из которых следующие 50 новых производных впервые фиксируются в этот период: *беззаконничать*, *беззаконновать*, *беззаконство*, *беззаконствовать*, *законнородный*, *законоведение*, *законоведство*, *законоведец*, *законоданный*, *законодавец*, *законодательный*, *законодательство*, *законодательствовать*, *законознание*, *законознатель*, *законоискусник*, *законоискусный*, *законоискусство*, *законоломец*, *законоломный*, *закономудрие*, *закономудрственный*, *законоподвижник*, *закононаказание*, *законоположитель*, *законоположительный*, *законоположничество*, *законопослушник*, *законоправильник*, *законопревратник*, *законопредание*, *законопреступствовати*, *законопреступство*, *законопреступнический*, *законопроизводство*, *законопроповедник*, *законнорожденный*, *законослов*, *законословие*, *законослужение*, *законостечение*, *законотолкователь*, *законоустановление*, *законоучение*, *законоучительство*, *законоучительствовать*, *законохранитель*, *законтрактовать*, *законтрактоваться*, *незаконнорожденный*.

В современном русском языке гнездо с корнем *закон-* сократилось вдвое за счет ряда малоупотребительных образований предшествующего периода и включает, по данным Словаря русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, следующий ряд слов, относящихся к правовой сфере: *беззаконие*, *беззаконничать*, *беззаконность*, *беззаконный*, *закон*, *законник*, *законно*, *законнорожденный*, *законность*, *законный*, *законовед*, *законоведение*, *законодатель*, *законодательный*, *законодательство*, *незаконно*, *незаконнорожденный*, *незаконность*, *незаконный*. Из них новообразованными словами, появившимися в современном русском языке, являются лексемы *законовед* и *законность*, которые фиксируются впервые в XIX в.

Даже самый общий анализ приведенной выборки дает основания утверждать, что гнездо с корнем *закон-*, представляющее ядро поля юридической лексики современного русского языка, было сформировано на этапе создания корпуса библейских переводов с греческого на церковнославянский язык. Еще в эпоху классического старославянского языка значительная часть входящих в рассматриваемое корневое гнездо лексем употреблялись в значениях, сохраняемых современным юридическим языком или семантически соотносительных с ними. В связи с обсуждаемой темой важен сам факт наличия преемственных связей и соответствия отмеченной юридической лексики современного русского языка корпусу церковнославянских правовых номинаций. Очевидно, что преемственность этой лексики и ее сохранность в современном правовом дискурсе не может иметь иного объяснения, кроме изначального влияния церковнославянской традиции. Вместе с принятием христианства на Руси получает распространение церковная книжность, в корпусе которой и переведенный с греческого языка святым Мефодием Номоканон — принятый от византийской традиции свод правил Церкви, и относящиеся к ней императорские законы. Сообщение об этом содержится в Пространном житии св. Мефодия: *тѣгда же и номоканонъ, рекъше закону правило и отъчьския книги прложи* [Пространное житие Мефодия (сер. XII в.), с. 228]. С распространением христианства списки Номоканона, Законоправильники, Кормчие книги получили хождение в славянских землях во множестве переводов. Из них и был усвоен корпус церковнославянской лексики, применявшийся в юридическом дискурсе Древней Руси, где, как пишут и историки права, «наблюдался на редкость синхронный процесс формирования государства, христианства и правовой мысли» [Рогов, с. 25]. Содержание издаваемых князьями законов и постановлений согласовывалось с духом христианской религии, распространение которой сопровождало становление древнерусского государства. Законотворческая деятельность понималась как исполнение порядка, установленного Богом — верховным Законодателем и Творцом закона, норм жизни, осмысление и толкование которых было осуществлено отцами Церкви: «Юридические и правовые аспекты в трудах отцов Церкви были для древнерусского правосознания столь же авторитетны, как и библейские тексты. Они были эталоном для всех направлений книжности: богословия, философии, законоведения, толкования спорных религиозных текстов, спорных правовых проблем» [Рогов, Рогов, с. 26–27].

Ранее, на основании анализа корпуса Старославянского словаря, мы уже указывали на определяющую роль церковнославянского языка в формировании как лексической системы русского литературного языка, так и его концептосферы, охватывающей в том числе и сферу правовых отношений [Карпенко, с. 44–45]. Еще в период старославянского языка сформировались лексико-семантические группы правовой лексики, передающие следующие основные значения: 1) закон, постановление; 2) законодатель; 3) исполнитель законов; 4) подчиненный закону, праведный; 5) преступающий закон, несправедливый. Большинство лексем данных лексико-семантических групп преемственно сохраняется русским языком до настоящего времени. В Старославянском словаре, кроме гнезда с корнем *закон-*, нами отмечен целый ряд гнезд с корнями *вин-*, *вѣд-*, *каз-*, *клевет-*, *наслѣд-*, *облич-*, *прав-*, *оубиш-* и др. лексики, относящейся к правовой сфере и послужившей основой для корпуса современной юридической терминологии: *виновный*, *невиновный*, *неповинный*;

беззаконие, закон, законоположение, законник, законно, законопреступление; казнь, наказание; клевета, клеветать, клеветник, оклеветать; наследовать, наследник; обличитель, обличить; осудить, осуждение, осужденный; правда, праведник, праведно, неправда, неправедник, неправедно, оправдание, оправдать; преступление, преступник, преступный; свидетель, лжесвидетель, свидетельство, лжесвидетельство; узник; убийство, убийца и др. Актуальность семантики отмеченных гнезд для развития правовой мысли объясняет тот факт, что на протяжении всей истории русского языка эти корневые гнезда были устойчивыми и словообразовательно активными. Таким образом, разделяемое некоторыми исследователями мнение, что русская юридическая терминология складывалась на восточнославянской разговорно-языковой почве, независимо от церковнославянского языка, требует корректировки.

В развитии всех отмеченных гнезд в истории русского языка прослеживается преемственность церковнославянской языковой традиции. Разумеется, мы не имеем в виду, что за тысячелетнюю историю функционирования в лоне русскоязычного дискурса славянизмы не подвергались изменениям. Напротив, они не представляли собой застывшие лексико-семантические единицы, но претерпевали словообразовательное и семантическое развитие. В историческом плане для развития славянизмов, употребляющихся в правовой сфере, характерны явления конкуренции словообразовательных типов, вариантности лексических образований, специализации значений, расширения употребительности в правовой сфере при ограничении их использования в сфере религиозной.

Литература

- Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. 1120 с.
- Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 187–305.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М.: Наука, 1978. С. 221–240.
- Карпенко Л. Б. Аксиологический аспект коммуникации : о церковнославянской основе русской языковой картины мира // Русская словесность в мировом культурном контексте: избр. доклады и тезисы II Междунар. симпозиума. М., 2008. С. 44–45.
- Малыгина М. А. Языковые особенности и состав Минейного стихираря (по древнерусским спискам XII века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 2012. 26 с.
- Попруженко М. Г. Козма Пресвитер. Болгарский писатель X века // Български старини. Кн. XII. София: Придворна печатница, 1936. ССХСІХ, 92 с.
- Пространное житие Мефодия (сер. XII в.) // Жития Кирилла и Мефодия. М.: София, 1986. С. 212–232.
- Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX — середины XVII в.). М.: МГИУ, 2006. 269 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М.: Наука, 1975–2011.
- Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992–2005. Вып. 7–15.
- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 1 [А–К]. М.: ГИИНС, 1958. 1420 с.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

Унбегаун Б.-О. Язык русского права // На темы русские и общие: сб. статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева. Нью-Йорк: Издание Об-ва друзей русской культуры, 1965. С. 178–184.

References

- D'iachenko G. *Polnyi tserkovnoslavianskii slovar'* [Complete Church Slavonic dictionary]. Moscow, Izdatel'skii otdel Moskovskogo patriarkhata, 1993. 1120 p. (In Russian)
- Zhivov V. M. [History of the Russian law as linguistic and semiotic problem]. *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Studies into the history and pre-history of the Russian culture]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2002, pp. 187–305. (In Russian)
- Ivanov Viach. Vs., Toporov V. N. [On the language of the ancient Slavonic law (an analysis of several key terms)]. *Slavianskoe iazykoznanie. VIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov* [Slavonic linguistics. VIII International meeting of Slavists]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 221–240. (In Russian)
- Karpenko L. B. [Axiological aspect of communication: On the Old Slavonic basis of the Russian language world view]. *Russkaia slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste: izbr. doklady i tezisyy II Mezhdunar. simpoziuma* [Russian literature and the world culture: Proceedings of the II International symposium]. Moscow, 2008, pp. 44–45. (In Russian)
- Malygina M. A. *Iazykovye osobennosti i sostav Mineinogo stikhiraria (po drevnerusskim spiskam XII veka)*. Avtoref. Kand. Diss. [Linguistic peculiarities and content of the Calendar Book of Sticheron (based on the Old Russian lists of XII century)]. Thesis of PhD Diss.]. Moscow, IRJa RAN Publ., 2012. 26 p. (In Russian)
- Popruzhenko M. G. [Kozma Presviter. Bulgarian writer of X century]. *B'lgarski starini. Kn. XII* [Bulgarian old times. Book XII]. Sofia, Pridvorna pechatnitsa, 1936. CCXCIX. 92 p. (In Russian)
- [Live of Methodius (mid. of XII century)]. *Zhitiiia Kirilla i Mefodiia* [Lives of Cyril and Methodius]. Moscow, Sofia, 1986, pp. 212–232. (In Russian)
- Rogov V. A., Rogov V. V. *Drevnerusskaia pravovaia terminologiia v otnoshenii k teorii prava (Ocherki IX–serediny XVII vv.)* [The Old Russian legal terminology and the theory of law (Essays of IX — mid of XVII centuries)]. Moscow, MGIU Publ., 2006. 269 p. (In Russian)
- Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–29* [Dictionary of the Russian language. Issues 1–29]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2011 (In Russian)
- Slovar' russkogo iazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of XVIII century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–1991, issue 1–6; St. Petersburg, Nauka Publ., 1992–2005, issue 7–15. (In Russian)
- Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vol.]. Ed. A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1981–1984. (In Russian)
- Sreznevskii I. I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikom: v 3 t. T. 1 (A–K)* [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on the written monuments: In 3 vol. Vol. 1 (A–K)]. Moscow, GIINS Publ., 1958. 1420 p. (In Russian)
- Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X–XI vv.)* [The Old Slavonic dictionary (based on the written monuments of X–XI centuries)]. Eds. R. M. Tseitlin, R. Vecherka, E. Blagovaia. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1994. 842 p. (In Russian)
- Unbegaun B.-O. [Language of the Russian law]. *Na temy russkie i obshchie: sb. st. i materialov v chest' prof. N. S. Timasheva* [On the Russian and general themes: Proceedings in honour of Prof. N. S. Timashev]. New York, Izdanie Ob-va druzei russkoi kul'tury, 1965, pp. 178–184. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 27 января 2015 г.

Контактная информация

Карпенко Людмила Борисовна — доктор филологических наук, профессор;
karpenko.gennady@gmail.com

Karpenko Liudmila B. — PhD, Professor; karpenko.gennady@gmail.com